

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0003

Григорий Рахманько

15 августа 2011

Таре #1

- Здравствуйте.
- Здравствуйте.
- Назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию.
- Рахманько Григорий Петрович.
- В каком году Вы родились?
- Родився пятнаццатаго января в тысяча дзевятьсот дваццаць чацвёртом гаду.
- А где Вы родились?
- Родився в Карэлицким раёне, Запольски сельсавет, дзярэвня Камаровичы.
- Какое-то время тому назад к Вам приходили наши коллеги и Вы им рассказывали о том, что Вы видели во время войны, какие там ситуации, какие преступления были против гражданского населения. На этот раз мы пришли, чтобы Вы вспомнили опять и рассказали про ваши воспоминания на камеру. Для начала скажите, пожалуйста, когда война началась, Вы всё ещё жили в вашем селе, где Вы родились?
- Нет. Жил здесь во па Минскай вулицы, гдзе цяпер магазин. Во тут во дом был наш. Атец построил сынам своим старшим, братьям Саше и Мише. И я жив.
- То есть Вы жили в Новогрудке уже?
- В Навагрудке.
- А когда Вы переехали сюда?
- В трыццаць пятам гаду пераехав.

- А Вы помните, здесь, в Новогрудке, до войны здесь жили евреи?
- Было яврэяв. Саседзи были. В сорок первам годзе их немец... Вот. Было тут дзiesiąтки тысяч. Гавари, двенаццать тысяч.
- Люди так рассказывали, что двенаццать тысяч населения еврейского было?
- Да. У нас по суседстве жыли. Хорошыя такие. Нават адзин в эта врэмя, кагда немец зашов быв в Ленинградзе, дык я во строився, ён мне памагав нават в дзяньгах.
- А Вы помните по имени кого-то из тех евреев? По фамилии?
- Вы знаеце, вот Кроцина, ён ведае тут праизводствам рыбным, атец жыв. Тут есць такая гара Магногий, то з гэтай стараны мы жыли, а з той стараны он жыл. Уехав в Израиль ён. Дык кагда уязжав, то прыходзив прашчацца. Я кажу: "Самуилко, чаго ж ты едзеш?" - "Там мая Родзина".
- Его Самуилом звали?
- Да, Самуилам. Цяпер яго сын здесь заведует. Казав, шэсць сот рабочих у яго цяперака. З Литвы палучаюць рыбу машынами, тонами. Казав, пятнаццать тон ён у Маскву атсылае рыбных издзелий.
- Я хотела спросить, что Вы видели лично в сорок первом году? Что случилось во время войны с евреями в вашем городе?
- В сорок первам немец, акурат это была воскресенье, кагда ён напав. Самалёты гудзели, круцилися, вярцелися, а потым як стали бамбиць! И руския салдаты з ваенгарадка (сюды вот яврэйскае кладбишча недалёка, метрав пяцьсот) - и салдат на кладбишчах ляжав. И гавориць - папробуй! - вы знаеце, з винтовки папав буквальна у бензабак в нямецки самалёт, каторый бамбили здзесь. И вот видзели мы, как сразу дым-дым у тую сторану, як на Минск. А потым агонь - и у дубы у тры километры адгэтуль врэзався. А мы ж пацаны такія, я падростак быв, мы на вельсапед и паехали сматрець. Дык кишки висели на дубах.

- Когда начались гонения евреев в вашем городе?
- Дык вот яны зашли цераз тыдзень, немец, и зразу там на плошчади сазвав самых знамянитых яврэяв.
- А как созывали туда евреев?
- Ну я не знаю, как их сазывали. Нашы суседзи-то не хадзили туды на плошчадь. Он зразу шов дык загадав яврэяв только па срядзине вулицы идти, па тратуарам не далжны были хадзиць. И жолтыя звёзды шасциканечныя далжны были насиць на левым плячы и на спине справа. Тут разбамбив жа ж. Дык як разбамбив усей горад, дык зносиць кирпичы, дароги рашчышчаць, вулицы.
- Давайте расскажем разные истории по порядку. Когда Вы говорили, что когда немцы зашли в город, стали созывать самых знаменитых евреев.
- Созвали их на плошчадь. Пальба пачалася. Аказываецца, некоторые гаварили, дваццать чалавек яврэяв убили, а некаторыя гаварили пяйсят. Вот ад той стараны, ад Бёрдзенскай вулицы. А потым приказали астальным яврэям, штоб чераз два часа убрали их и нават камень памыли нават. На плошчади счас заасфальциравана, а раней камень, булыжник быв. И пачали ганения.
- Я спрошу ещё немножко об этом эпизоде. Вы тогда лично присутствовали на площади, или тогда не было Вас там?
- Не, не было. Толька я прахадзив у гимназию беларускую па Сечко вулицы, так што мы баялися туды падходзиць.
- Но Вы слышали выстрелы?
- Выстралы слышали. Тут як па Минскай прахадзиць, да плошчади триста метрав.
- То есть Вы были вдалеке где-то, но не видели ничего.
- Не, не видеv.
- А как долго длилась стрельба?

- Минут дзесяць прыблізна стрэльба длілася.
- А потым, пасле таго як іх расстрэлялі, Вы туды пошлі глядзець што адбылося ці не?
- Не, не. Баяліся - ужас!
- А як Вы ведалі, што там менавіта сабралі самых знакамітых евреяў?
- Ну вы ведаеце, гаварылі, нават суседзі нашы гаварылі, што туды садываюць. Тут нейкі прыехаў літоўскі карацельны атрад. Літоўскі і эстонскі, таму што адны былі ў жоўтых адзетках такія, літоўская адзежа, а другія ў цёмным такім, эстонцы былі. Вот гэтыя два карацельныя атрады тут з явреямі справляліся.
- Вы бачылі людзей з тых атрадаў? Вы памятаеце іх?
- Вядома. Як першы снег выпаў, і вот загадаў аб'явілі, каб ніхто на вуліцы не выходзіў і нігдзе па вуліцах не шаўся. І прыйшлі да маіх суседзяў, выгналі іх на вуліцу. Суседзі вынеслі стол, перавярнулі ножкамі дагары, прывязаў простыні там ці што за ножкі і ў стол накідалі што магли. І нас нават папрашчацца не дапускалі. Яны памахалі рукамі, плачучы, і іх адтуль пагналі сюды. І як сталі зганяць потым - і з Любча, і з Карэліч звазіць. Нават Бельскі, які быў Ізраіляўцаў чыліца герой партызанскага атрада. Яго бацька ў Драчылаве меў меляніцу, для людзей малов. Прыехалі забіраць яго забіраць, а ў іх пад гору такая гліна была. Машина забуксавала, а тыя два хлопцы Бельскія ў лес і ўцяклі. Астальных сюды прывязаў.
- Я хачу яшчэ спытаць Вас пра тое, як забіралі вашых суседзяў. То ёсць, калі я правільна зразумеў, гэта адбылося ўжо праз паўгода пасля таго, як немцы ўвайшлі?
- Я ж не памятаю ўжо, семдзесят гадоў прайшло ўжо.
- Гэта зімой было, да?
- Не, пад зіму... Осень.

- То есть до этого времени они жили у себя дома, я правильно поняла?
- Жыли. Хадзили камни разбираць, кирпичы, бо плошчадь там уся была разбамблёна.
- То есть их заставляли делать какие-то работы? Они уходили на работы и возвращались обратно домой, или нет?
- Зразу прихадзили, а потым як сагналі. Уже стали зганяць там во па Сечко вулицы. Тут, за маим заборам агарадзили метра тры высатой провалакай. Вышка стаяла буквальна з адсюля пяйсят метрав. Там, за тым домам стаяла. Чатыры вышки стаяла. И ад вулицы дзве вышки стаяла, и тут дзве. И сюды як стали звазиць - таки рёв став. И зразу, паскоку мы там напроцив жыли (я з братами жыв), дык яны дзяцей хватали и у кузав кидали. А маці, знаеце, дзиця хваціць пад руки и сама лезе. Запавняли грузавыя машыны и вывазили за кашары. А там, кагда да гэтага строили Навагрудак, дык там капали пясок. Ямы там были гатовыя. Тожа гаварили, што их раздзявали тамака, золата забирали. Эта гаварили тока, што так была. И тут таки рёв бив, нескалька дней вывазили. Патаму што нашага Навагрудку было гдзе-та двенаццаць тысяч яврэяв, а яшчэ Карэлицкага раёна было, цяперака з Любчанскага раёна, цяперака з Дзятлавскага раёна - всех сюды звозили.
- Вот ваших соседей, когда их вывозили? Вы сказали, что людей видели в разных формах: и в эстонских были формах, и литовцев видели. Когда арестовывали ваших соседей, Вы прямо там их видели?
- Нашых суседзей литовцы в жовтым прышли и выгналі з кварциры. Эты дом и цяпер стаіць.
- Они были в жёлтых формах, да?
- В жовтых.
- А сколько людей пришло забирать их из дома, литовцев таких в жёлтых формах?

- Трох или чатырох литовцав. Выганяли в обшчым. И там, з другога дома, там другия были кузнецы. Лашадзей падковывали, раньше ж тока налошадзях.
- Где-то чуть дальше тоже евреи были, эти кузнецы?
- Па Минскай вулицы пално было яврэяв.
- И Вы видели, как из тех домов тоже забирали?
- Ну вот атец Кроцина, каторый цяпер сын яго тут, Барыс Самуилавич. Гэты Самуил жыв чераз дамов чатыры ад нас. То ён как-та, видзице, уцёк.
- Но Вы лично видели только как соседей забирали, или Вы видели, как и других забирали?
- Тагда ж приказали нигдзе не выхадзиць и ничога.
- То есть Вы не видели других?
- Як гнали-то видзев, па плошчади адсюль.
- В тот же самый день Вы видели, как гнали других?
- Других видзел. Пара дней их зганяли сюда, звазили. А потым стали вывозиць.
- И Вы видели пару дней, как каждый день их по улице гоняли?
- Видзев, патаму што самы таки возраст быв.
- И каждый раз гоняли только литовцы в этих жёлтых униформах или были и другие?
- И эстонцы были.
- Откуда Вы знали, что это были эстонцы?
- Ну знаеце, гаварили так, "несупрантос". Литовцы як стануць гавариць, дык я тожа, знаеце... (посмеивается) А ужо эстонцы... Карочэ, карацели есць карацели.
- А немцев с ними не было?

- Вы знаеце, можа як гнали з плошчади, там и немцы разам. В аснавном садсюль, як на машынах вывазили, таки рёв бив, знаеце. Адзин яврэй палихмахер, гаварили. Немец на барту на задним сядзев, туда вывозиць. Дык ён бритвай як шаснув - парэзав. Той чераз борт и паляцев. Гэта пад Минскай угору, там бив второй магазин.
- Это кто рассказал Вам про этого еврея-парикмахера? Откуда Вы знаете про этот случай?
- Ну знаеце, гэта разгавор таки.
- Ваших соседей, когда их из дома вывозили, сколько их человек было? Они с семьёй были? Сколько их вывезли из дома?
- Ну, не сямьёй. Двох, бив кузняцом и брат, яны у эта врэмя были в Ленинградзе. И яны асталися так живыя. Яны, вы знаеце, яшчэ жыли гадов... (задумался) Яны вярнулися з Ленинграда, яны очэнь дружныя такія были. Я ж гавару, як строився, яны памагали. Нада было дзенег, дак адалжали всягда. Нават к яму прыехала с Украины яврэйка нейкая. И ён забалев. Гадов дзесяць, як ён забалев. Дык яна прыйшла: "Рахманко, надо завязци." Забив, як яго зваць. То я вазив у Любчав в бальницу яго. А ужо забираць - ён и памёр там. Забираць я не ездзив. Яврэйка, яна с Украины. Вот як раньше было, правда...
- Я хотела Вас спросить ещё. Вы говорили, что евреев заставляли расчищать как бы город после бомбёжки. Вы сами лично это видели?
- Видев сам.
- А где Вы это видели, что это происходило? В городе где именно?
- На плошчади там, пасрядзине плошчади. Ад вулицы Сечка, там цяперака разустроили красива, там были яврэйския магазины все. З аднаго боку, з другога. А я яшчэ, як кажущ, пацаном марожанага там купляв, у падвальчыку. Яврэйка такая толстая сядзела. Пяць грошай - наложыць

стока в общчэм (показывает) Вы знаеце, малому хацелася марожанага, так што знав я.

- Расскажите, что Вы видели. Как там они расчищали, что конкретно?
- Расчышчали. Яшчэ цяпер пад низам тыя падвалы.
- А сколько людей работало? Один, два, десять человек там работало?
- Чалавек дзесяць. Яны усю: там и Гродзенская вулица, и Баранавицкая - завалена была.
- Человек десять было. А это только женщины были или мужчины тоже?
- А я эта знаю, патаму што мой брат старший, он сядзьмога года. Он здзесь на базаре дзяржал пивную. Закусачную.
- Мне интересно, что Вы лично видели. Я об этом хочу узнать.
- Я хадзив, дапусцим на Ленина вулицы (раньше Баранавицкая была, на Баранавичы). Там жыла маславатая такая яврэйка. Яна хлеб выпякала, булки. А тут во, па маёй Свядловой вулицы, ввярху Залевски бив. Ён тайзэрки, булочки, баранки выпякав. А там дзе апцека была, там пиво и напитки. Дык мне брат всягда напиша бумажачку: "Вот, зайдзи." Базары тагда были в панадзельник в аснавном.
- Вы хотите рассказать про довоенную жизнь, а нам интересно знать про войну. Я хочу узнать только то, что Вы видели во время войны. Хорошо. Я хочу уточнить у Вас...
- Я баявся надта гдзе выходзиць. И браты, як той кажа.
- Можно мы всё-таки вернёмся к сорок первому по сорок четвёртый год.
- А в сорок чацвёртым, знаеце...
- Нет, именно во время войны.
- Ва время вайны у меня немец пасадзив усю сямью. Там дзе Бельски, каторы яврэй, уцёк там, за Неман.
- В каком году Вас посадили?

- В сорок трэцим, в феврале месяцы. Кагда адступали руския, у атца жыв с Пензы Аляксей, какой-то афицэр. У гумне там, у сараи спав. Атец яго адзев. И камандзир Миськавскага партизанскага атрада Данисенко Дмитрий тожа. Гэтыя пленныя, каторыя пауцякали ад немца, яны па дзеравни. У тога, у тога асталися. И у майго атца эты Аляксей аставався. И сабрания стали праводзиць, парцейныя. Лапаты пазабирали у людзей и ужэ за Неманам капали сабе зямлянки, у сорок втаром квартале. Я нават ездзив туда на лошаdzi. И, вы знаеце, кагда первый снег напав, немец став их усех сабираць з дзеравень, у каторых прыстроилися жыць. Яны - усе у лес. У их ужо была прадукцыя гатовая.
- А Вас-то почему забрали, почему арестовали?
- З Навагрудка перад новым сорок втарым годам паехали немцы сабираць у Карэлицки раён, дзе мая родзина, яйца, муку, сало, як той кажа.
- Продукты.
- Прадукты усе. А тутака, паскока Аляксей жыв у атца, ён тожа там быв. Саабшчыли им. Яны паехали назбирарали: пятнаццаць вазов нагрузили. И вязли на Жуки, Заполю, Карэличы и Навагрудак.
- Это немцы везли?
- Немцы. А парцизаны напрамую. Шчорсы, Камаровичы, дзе я радзився. И бацьку забрали з кабылай, як той кажа. Сели и прыехали аж пад Валковичы. Тут есць дзесяць километрав садсюда такая, Валковичы. И тут засели пад мостам з пулямётам. Там хутара были. На саламяных крышах парабилы дырки. Як толька падъехала первая павозка ближе сюды, к масту валковицкаму, дык як жахнули! Немец гэты и звалився у сторону. И астальныя пачали уцякаць, и такая стральба пачалася непадалёку, тут километрав дзесяць-двенаццаць, такая стральба! Немцы паехали на помашч им.
- Вы слышали эту стрельбу?

- Слышав, я жыв тут. Двесце метрав адсюль была хата мая.
- И Вы видели, как немцы поехали туда на помощь?
- Машины загули и паехали. Можа и литовцы паехали. Паехали на помашч. Дык пакамесць яны сабіраліся ехаць, дык парцызаны гэтыя павозкі развярнулі. И цераз Бараціна, Карчычы - и адвязлі усё гэта дабро, што награбілі. И вот немцы стали искать, хто саабшчыв. И, вы знаеце, у майго брата старшага была з гэтых жа самых у саракавых дзепутаткаю абласной.
- Она дружила с вашим братом?
- Жена была.
- А брата вашего как звали?
- Михаил Пятрович.
- А жену?
- Алена Иванавна. Яна можа яшчэ и жыве у Мінску цяпер.
- И поэтому они решили, что ваш брат как-то замешан в этом, из-за того, что жена была депутатка?
- Дзела у тым, што у яе па суседстве такія жылі Вашчэйкі. И вот адзін быў у нямецкай паліцыі, а другі быў пераводчыкам, бо ён кончыв Віленскую гімназію.
- Вы помните, как их звали, этих двух соседей?
- Гэтых Вашчэйкаў - адзін Ваня, а другі Валодзя. А сястра у іх была Надзя, каторая са мною у школу хадзіла. Яна выйшла пасле вайны за афіцэра замуж и дзе-та можа у Лідзе жыве и цяперака. Красивая такая.
- И Вы думаете, что они сообщили на вашего брата?
- Да. Ну хто-то саабшчыв, кароче гавара. И к нам прышли ноччу. Братава была у палажэнні. Я яшчэ не спав. Стучаць. И фанарікамі свецяць. Я к брату выходжу, а яны у суседняй комнаце ужо лягли, голыя былі. Выхожу

и кажу: "Миша, там хтосьци прышов, стучыць. "Ну пайдзи, - кажа. - Спраси, адкрой." Адкрыв, а яны сразу мяне да сценки.

- А что за люди зашли?
- Немцы. Машына немцав и машына палицайав.
- Полицаи были местные, отсюда?
- Ну вроде местные.
- Вы их не узнали?
- Узнав. Татары были, каторыя разам у школу хадзили и пайшли у нямецкую палицыню.
- Татары, но они отсюда, из Новогрудка?
- Навагрудския, вон там з Партовай вулицы. И, вы знаеце што. Брата падняли, як той кажа, у трусах да сцяны. Братавай тожа, як той кажа, голай. И усю хату перавярнули, чаго-то. Аружые там, усяго. А потым сказали: адзявайцесья. Адзеліся, и нас выгналі на вулицу. Стаяла машына немцав. И нам сказали дзесяць метрав адзин ат аднаго ідти. И пагналі у цюрму. Тут у Навагрудку была такая цюрма, Царская, сцены палтарамятровыя.
- И Вас повели пешком? Или посадили в машину?
- Пяшком гнали да цюрмы. Тамака шнурки з бацинак, рамни павыдзёргивали. Братавую пасадзили у васьмую камеру, женская камера была. Брата пасадзили в дзесятую камеру. А меня у двенадцатую углавую, на втаром этаже эта была. Саабшчыли атцу, што сынов пасадзили. Прыехав на лошади, кала дому паставив эту лошады. Эта февраль месяц - зима самая. Тая лошады нават палукашыки пагрызла. Прывязав, прышов у цюрму пытацца, за што сынов пасадзили. За яго - и яго у адзиночку пасадзили. И кагда гнали да туалета, атец так за аградки узьявсья.. То я як пъяны чуть не самлев. И кали дапрос, там пракуратура. Там пры немцах было СД, з Баранавич. И пры дапросе як загоняць, дык

сабака адзін бярэ чучь за нос не хватае, а други за спину грызе.
"Вядзице, дзе парцызаны."

- Они от Вас требовали?
- Да, эта самае главнае трэбаванне. А кагда загналі, дак у камеры гэтай дванаццатай было дваццаць пяць. Усе на палу ляжалі. Никакой ні пасцели - нічога. Адна скамейка такая длінная з доскі. Я сев на гэтай скамейцы, падпёрся і плачу. Яшчэ ж пятнаццаць лет, пацан, як той кажа. А ляжав там у вугле адзін. Кажа: "Не плач, хадзі ка мне прыляж". А гэта ж ноччу было. Я, правда, падышов. А ён, аказваецца, з Елавіч вучыцель. Калюк Баріс Нікалаевіч, каторый кончыв у Вільні гімназію і быв у Елавічах дзірэктар школы. І тожа яго за парцызан пасадзілі. Дык ён во мяне пытае: за што вас сюды? Я кажу: саткуда я знаю, вродзе за парцызанав. Кармілі там, туды-сюды. А кагда жанівсо брат мой, осенню, брав эту Лену, дык я (у Валковічах была цэркав, красівая такая) нават у цэрквы над братам карону дзяржав. Ён вянчався, бацюшка там быв. І кагда кончылася гэто, там цераз нескалька дамов гэтая Лена жыла. І там на гэтай свадзьбе нават парцызаны ужо былі. Але яны, правда, за стол не садзіліся. А у гэтай Лены брат тожа у парцызанах. Юльчык Владзімір Іванавіч. Дык ён іх завёв у кладовку і налівав там гарэлкі па стакану выпіць. І яны падаліся в лес. Там недалёка лес. І я кажу: відаць за гэта. А гэты Барыс Калюк кажа: еслі з вашай кампаніі хто-небудзь прызнаецца, што парцызаны у вас абедалі ці спалі - усех вас да ямы. Главнае не прызнавацца. Нічога: не відзелі нікога. І потым сатсюда адзін Селіцкіі такой. Іх трох брацьев было. Адзін з брацьев быв пры саветах міліцыі рускай. Як прыйшлі немцы, ён у лес уцёк, парцызанам быв. Дзелавыя хлопцы. Адзін, Валодзя, са мной разам у школу хадзів. А трэці прыстроівся тут у немца Вардака работаць. Ён год як памёр тока. А тут ва втарой школе, дзе гімназія была, унізу літовцав атрад стаяв. Дац ён у іх аружые купляв. І вот адзін літовец

яго прадав. Дзелавы ён таки быв гэты Валянцин Иванавич! Мяне гоняць на дапросы, ганяли туды дзе СД, а ён: "Грыша, дзяржысь! (кулаком показывае) Ни слова!" Паскоку мы так дружыли, яму, вы знаеце што, было бязвыхаднае палажэнне. Гэты Сялецкі Валянцин Иванавич. Яго вяли ужо на личную ставку, у каго ён брав гэта аружые, писталеты купляв. Ён гаворыць: "Я што купляв, усё дома ляжыць. Я вам аддам" Вот, брат ты мой, немцы узрадаваліся!

- Откуда Вы про этот разговор знаете: что им говорил Селецкий. Откуда Вам известно?
- Мы з им паследнюю жызн, начыная з сорак первага года, жыли як брацья.
- То есть Вы от него про это знаете?
- Яго павезли дадому. Там жыла матка яго и братавая (жана парцизана была). Вот прывязли туды немцы с сабаками, асталися, а ён пашов у хату. У яго сад таки бальшы, пчолы. Ён пашов у хату. Зашов у хату. Развитався з маткай, з братавай. И став выходзиць. Ну ён ужо спланиравав як бы, всё равна расстраляюць. Вышал у сени, дзверы прыхлопнув. А там у сенях - гэты дом и цяпер стаиць - там кладовка направа. Ён у гэту кладовку, цераз акно - и у сад. Гэтыя немцы, брат ты мой, падняли стральбу такую! И яго ранили у плячо сюды. (показывае на плечо) Даганяюць сабаки. Ён скинув целагрейку з сябе и дальшэ па жыце. То ж летам было. И далятае - в лес павярнув. И сабаки абратна вярталісь.
- Но он выжил?
- Выжив.
- Потому что это длинная история, чтобы мы успели поговорить о других каких-то вещах.
- Ну и ён уцёк чераз речку в парцизаны.
- И он выжил и после войны вернулся обратно?

- Был лясником. Дом пастроив тут во аднаму сыну, другому.
- Хорошо. Это как бы в деталях уже неважно. Я хочу понять, сколько времени Вы провели в тюрьме? Сколько Вас там держали?
- Полгода.
- А после этого времени что случилось с Вами?
- У нас у Карэличах быв родственник, Мазало Володзя, каторы быв у чатырнаццатым годзе у немцав в пляну. Ён харошы баянист быв. И вот на Раждзяство, на Пасху, немец, камисар карэлицки, устраивав там бал, ён грав. И ён гаворыць начальнику Карэлицкаво раёна, нямецкаму камисару: "У мяне бяда: родственникав пасадзили." - "Ну за што?" Ён кажа: "За што ж цяпер садзяць, за звязь з парцызанамі." Кажа, нада як-та памоч. Камисар кажа, можна толька памоч, як у дзярэвне народ возьмецца на паруки.
- И нашлись люди, которые взяли Вас на поруки?
- Да. И вот matka, несматра што было семсят лет, на кани ездзила па дзеравнях. И немец дав листы з нямецким гэрбам. И matka ездзила расписи збираць. Нават парцызаны, и тыя давали расписи. Шчарсовски бацюшка пячаць паставив, карэлицки бацюшка, бо атец мой з matкай были очень набожныя.
- А потом что она сделала с этими списками?
- Яна прывезла сюды у Навагрудак, нашла нейкага нямецкага адваката ци як, и у цюрму здала.
- И Вас за это освободили?
- И нас за гэто асвабадзили.
- И Вы вернулись домой после этого или куда-то в другое место?
- Не, не вярнулись. Атца тока пусцили дамой, а нас павезли. Стаяли вагоны з рускими пленными: немцы пленных вязли на Запад. И нас у паследни вагон.

- Пленных военных везли?
- Военных. А нас у паследни вагон загрузили, с цюрмы пабольш людзей взяли. Нас загрузили и павезли на Запад. Везли зразу сюда на Гродно. Тутака акурат парцизаны сарвали рэльсы: рэльсавая вайна была. Развярнувся поезд, и у Баранавичы, потым у Валкавыск павезли нас. И да Вастоку нас атсаедзили. Ваенных павязли дальшэ, а нас у Граево у концлагер завязли. Это возле самой восточнай Пруссии, пад Кенинсберг. Литовская граница. Вот там была такая камисия. Станавилися, раздзявалися наголо, праходзили. И я за братам стаяв, а у брата между лапатак такой чырь бив. И вот адна немка бярот такими пласкагубцами за гэты чырь, а другая ж-жых нажницами - в сторану. Прайшли гэту камисию. Майго брата у адзин барак загналі. Раздзялили нас. Сколька я не прасив: "Майнэ брудэр! Мой брат!" (бьёт себя в грудь) Абляпив яго - адцягнули. Паскоку я нямецки, гимназия ж беларуска-нямецкая была, навучывся нямнога. Бэрнер бив таки дзиректар, што з палкай хадзив кульгавы, як я цяпер. Кали урэжа! И, думаеце, стаиць можа дзесятка баракав. А адзин аддзельна, и агарожаны провалакай. Вышки стаяць, сабаки кругом. Стаиць там, як той кажа, ахраняе.
- А в лагере этом были только мужчины или были и женщины тоже?
- Усех хватало.
- И дети тоже были?
- Дзяцей не было.
- Только взрослые.
- Цяпер я падышов. Стаиць там немец. Я гавару, чаму майнэ брудэр сюда, а мяне... И ён гаворыць, што после ночы их да ямы. Вы знаеце, я бяз дзетак усю жызннь таки цикавны бив. Пашов. Мяне загналі у паследни крайни барак, а за тым баракам такая траншэя выкапана. И стаиць каля яе дзве бочки. Адна з нейкай белой памадай, а другая з чорнай. Вядро и

кисць. И там здоровыми людзьми выкапали траншею, и нават зямлёй чыстай пасыпали, каб зараза не разводзилася. То ж лета было, жара такая, помню, на Востоку. Палы лизали - вады прасили. Кажа, после ночи им укол даюць. Тут пацямнела. Я падышов, выйшав брат. Я кажу: "Миша, уцякай як-небудзь, а то усё, после ночи цябе не будзе." Ён быв таки шустры. А прыцямнела, а гэты ахранник (ци як сказаць) ушов на змену или можа пакушаць. Я прыпадняв провалаку эту, агароджана там было провалакай плеченай, а ён па-пластунски вылез. И ка мне у гэты барак на чардак залез. На ранне выганяюць всех строиць.

- То есть, я хочу понять, вокруг вашего барака была проволока и он зашёл внутрь?
- Не, там увесь лагерь быв загарожан. А между гэтым аддзельна быв барак адзин, для бальных специальна. Туды не пускали.
- Что Вы имеете в виду "между этим"?
- Между этим. Мяне ж не пускали, мяне атсаедзинили за это. И я став пытаць пачаму па-нямецки.
- Я не поняла просто. Вот он был в другом бараке, Вы были в другом бараке. Я думала, он вылез из лагеря. Вы помогли ему, чтоб он вылез из лагеря.
- З барака ён сам вышав. А здесь прыпадняв - и ён ка мне.
- И он к Вам залез?
- Да. И паскока у барак заходили правярали всё, дак ён залез на чардак и сядзев тама. Цераз дзень ци скока стали выганяць строиць.
- С вашего барака или из других?
- З нашего. А з тога, вы знаеце, даюць уколы, штоб балець не разводзилася, и туды, да ямы. З гэтай бочки папырскаюць, каб мухи... И усё, мёртвых выносили туды.
- Вы видели, как оттуда выносили мёртвых?

- Видзев, як ляжали. И бочки стаяли наверху.
- Вы видели прямо буквально в первый день, как там лежали мёртвые, или уже через несколько дней?
- Первый дзень, як мне гэты немец сказав, што им гэты уколы дадуць. И после нocy их живых не будзе, капут.
- Я поняла, что это немец сказал Вам. Но когда Вас расселили в барак, там уже были в этой яме мёртвые люди или не было ещё?
- Были.
- И они не были прикрыты ничем?
- Зямлёй нямнога прыкинута. Спырсканы дзезынфекцыяй ци чым там.
- Известью? Потому что Вы сказали, там какая-то бочка белая?
- Извесцю ци чым, не знаю. И зямлёй чуць-чуць. Людзи ляжали, як той кажа. Там, вы знаеце, цераз сколько врэмени выгналі и стали спрашываць, хто можа на хазяйстве работаць. На лашадзях ездзиць, пахаць, касиць - самае жниво было. Хто можа - тры шага вперёд. Мой брат вперёд - я за им. Нас сабралася чалавек трыццаць. Пагналі, там нейки прыстанак, у вагон. Сами мы зашли у гэты вагон. Пагрузили и павязли. И завезли... эта Восточная Пруссия, горад Дранбург.
- Так что сколько времени Вы провели в Граево?
- Там нескоко дней.
- Всего лишь несколько дней?
- Да. И павезли туда, в сторону Кенинсберга. И потым Литцен. Я ж дакументы даставав, евра палучав. Прыязжае немец, вызвали брата тамака. Зразу нас загнали вродзе у комнату такую. Вызываюць. И забирае немец. Я став прасиць. Завезли нас у айбартцант, рабочы аддзел. Там сядзев таки немец стары кульгавы. Я яго прашу, што "майнэ брудэр", как умесце. А ён атагнав мяне. Я плачу. Ён, брат, ни у какую. Я тагда став прасиць гэтага афицэра нямецкага, каб дав адрас, каб найци дзе брат

будзе. Ён дав мне адрас, Простки. И я астався, а ён забрав брата и павёз. Я астався дальшэ сядзець. К вечэру мяне вызываюць. Выйшав я. Прыехала за мною дзявчына, такая красивая. Яны ж, немцы, любяць завивки такія. (показывае пышную причёску на голове) Маладая, красивая. Фамилия Гэльтруд. Геюда Гэльтруд. Ну, записали ужо. Яны ж там расписку даюць, если выпускаюць, што будуць глядзець, штоб не уцёк у парцызаны ці куда. Ну, паехалі з Гэльтруд на станцыю, паехалі. И километрав шэйсят у сторону. Прыязжаем на прыстанак. Вылазим з поезда. Я за ёю следам, як той кажа. Стаиць пару каней, старык немец. Ну, яна пазванила дадому. Прывезлі у нямецкую дзярэвню Кайдэндорф.

- И Вы остались у них работать, в этой семье?
- Да, там был дом большой над озером. У канцы озера итальянски лагер быв. Гэтыя итальянцы, якія атказаліся пад Сталинградам ваяваць, их прывозілі туду работаць. А у хазяіна дом бальшы. Полдома занимали французы, лагер французкі.
- Я к тому, что случилось в Новогрудке, здесь. Хотелось бы узнать больше деталей, что Вы видели в Новогрудке именно в сорок первом или в сорок втором, до времени вашего ареста?
- Ну што видзев. Ничога я тутака такога ня видзев.
- Вы видели что-нибудь связанное с евреями?
- Ну зганялі сюды, а потым вывозілі. Часць их аставілі здзесь, у гэтым музеі, а часць на Литовке, там ёсць у тую сторону магилка герояв. А у сорок трэцім их там па Минскай.
- Вас в сорок третьем не было. Можно Вы расскажете только о том, что видели лично? Хорошо?
- Я ужо расказывав.
- А Вы когда-нибудь видели, чтобы их убивали здесь, в городе? Вы лично видели или нет?

- Я не видзев. Я видзев страшнае, як дзяцей грузили. Прама брасали и у кузав кидали, патаму што напроци жыв. Гэта вот видзев, што так гэта. И их вывозили.
- Это когда их в машины кидали, чтобы увезти куда-то?
- Их сагнали, их тут было дваццаць тысяч. Не то што у гэтым здании, тут на вулицы заслана усё было.
- То есть тут было гетто? Вы про гетто говорите?
- Да. А так што. Их кидали у машыну, а мацярки лезли сами брасалися у машыну. И машына загрузицца - другая загрузаець и павезла.
- А куда завезла?
- Цераз плошчадь и павезла па вулицы, як цяпер Мицкевича, за ваенны гарадок. Як жа ж гэта местнасць называецца?.. Скрыдлево!
- А Вы бывали там? Когда из везли туда, Вы тоже бывали на том месте?
- Ну я там и не быв.
- А откуда Вы знаете, что именно туда повели?
- Такой слух ишов, куда ж их вязуць.
- А их вывозили и загружали в эти машины из Гетто или из домов их?
- Садсюль. Их аставили тут только чалавек дзвесце, якия уцякли потым к Бельскаму у атрад. А так их загружали и вывазили.
- Откуда их загружали?
- Тут, у мяне тут сто метрав няма. Пяцьдзсят метрав, дзе цяпер плашчадка. Вонь, як той кажа, магу паказаць. Загружали и увазили. А куда вывазили, зразу нихто не знав.
- А когда это было, когда их вывозили на машинах?
- В сорак первам гаду увосень.
- И вывозили их несколько дней подряд или только один день такая акция?
- Да их нескока дней вазили.
- И Вы наблюдали это каждый день?

- Ну дык напроци хата была. У мяне и дакументы есць, дзе мая хата была.
- Сколько примерно машин было там, когда их загружали?
- А чорт их знаець, не дай Бог, считав я тагда ничога. Адна машына грузицца - другую падганяюць. И увазили, увазили, увазили... А там жа ж были па вулицы Сечко, дык их на Литовку туды. Там тожа была яма, што пясок брали, горад кагда строився. Вулицы засыпали. Туды загнали часць.
- Это Вы знаете от других или Вы видели лично?
- Мая тёшча жыла там.
- И Вы от неё узнали?
- Не, я узнав тагда яшчэ, бо я жанивсо, як было трыццаць лет мне, як той кажа.
- То есть Вы от других людей узнали, что их туда уводили?
- Да. Вот па той вулицы была гимназия. Дык кагда их вывазили и забирали. Их не вазили, а гнали. Там, ниже было.
- То есть часть людей пешком шла, а часть на машине? Какую-то часть людей и пешком угоняли?
- Тамака, дзе быв маленький яврэйски канцэнтрационный лагерь, дык их там пеша пал Литовку сагнали, з километр. Там цяперака памятник стаиць, там тожа пара тысяч убили. Туды не увазили.